

jen z jazyka polského. Zvolený postup — i přes dílčí význam zkoumaného jevu — ukazuje, že takto komparatisticky orientovaná syntaktická bádání přinesou mnoho plodného naší i polské lingvistiky. V souvislosti s tím vyvstává ovšem stále naléhavěji požadavek, aby se větnou skladbou zabývali dialektologové i v Polsku. Pak teprve budou splněny předpoklady pro široké srovnávání. K vlastnímu srovnávání Lotkova bych poznamenal, že měl přihlednout i ke všem dostupným pramenům z nářečí lašských. Rozhodně se nemělo zapomenout na Kellnerovo Štramberské nářečí.

J. Chloupek si u nás první všiml nezvyklého slovosledu infinitivu v nářečí.² Infinitiv stává velice často i mimo důraz nikoli hned za určitým tvarem slovesa, nýbrž až za členem, který toto sloveso rozvíjí. Upozorňoval jsem, že se tento jev vyskytuje i v nářečích šlezskopolských.³ Některé Lotkovy doklady tato naše starší ujištění potvrzují. Je škoda, že se autor recenzované práce postavením infinitivu ve větě podrobněji nezabýval. Schází pak přirozeně vysvětlení tohoto jevu. — Na str. 67 se píše o konstrukcích *(ne) bylo + lze (třeba)*. Z hojných dokladů na toto spojení je patrné, že vedle schématu *(ne)bylo lze* je též možné v nářečích slezskopolských schéma *(ne)lza + bylo*. Lotko dluží vysvětlení, jaký je mezi oběma slovoslednými variantami poměr a čím je tento poměr dán. V přílehlých dialektch je situace taková, že původní, v tradičním nářečí obvyklé je schéma *(ne)lza + bylo*, kdežto schéma s obráceným pořádkem slov se tu ujmá nově, patrně vlivem spisovného jazyka.

Viděli jsme, že Lotko probírá v samostatné kapitole tzv. vytěžený infinitiv. Správně rozlišuje případy s pauzou a případy bez ní (*ležel, to by ležel; slyšel slyším*). Postrádám tu případy, kdy vytěžený infinitiv má tázací intonaci na rozdíl od netázací intonace následující věty. Mluvěti infinitivy tohoto typu reaguje na nějakou předchozí situaci, často i na dotaz, např. (*Dycky sem se mjel dobře, dycky zdravý, dycky peněz došć tak.*) *Robić? malogdy sem robił češko.* (Bohuřovice) Tento typ se už blíží samostatné větě.

V kapitole o podmětovém infinitivu se dělí jednotlivé jeho typy podle času spony. Domnívám se, že otázka času je v uváděných případech záležitost voelku podružná, důležitější je vydělení typů beze spony. Typ vět se zájmeným *to* (*to je škoda nejít*) je v našich dialektch na rozdíl od dialektů polských možný vždy jen se sponou. Ve shodě s polštinou je však u nás běžný beze spony jen tento typ: *škoda mluvit, hřich tam nejít...*

E. Lotko prokázal ve své monografii schopnost dobře se orientovat v složitém nářečním materiálu a přehledně jej utřídit. Podrobnou analýzu provází i mnohý přesvědčivý výklad. Plným právem lze tedy jeho studii považovat za cenný příspěvek k syntakticky orientovanému výzkumu přechodných nářečí česko-polských. Jde o práci po nejedné stránce průkopnickou.

Jan Balhar

H. M. Александра: Проблема второстепенных членов предложения в русском языке, (Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, том 236, Ленинград 1963.) 391 стр.

Prarabotka teorii členov predloženia, udoletvorjajučaja trebovanijam sovremennoj lingvistiky, — što ves'ma važnoe issledovatel'skoje zadanie. Razrešaja ego, nužno preodoletevat' mnogie slučaja raznoboj meždu sintaksičeskimi „školami“ i otdel'nymi sintaksistami, nužno ustranjat' nekotorye ukorenivšiesja perežitki. Issledovatel', tvorčeski zanimajušisja etoj temoj, dolžen ne tol'ko usvoit' nakopivšisjij opyt predšestvujučich teoritikov, no i projavit' garmoničeskij smysl novogo, t. e. bolee objektivnogo, bolee točnoho. H. M. Aleksandrov, leningradskij lingvist, dokazal svoej knigoj, što on v značitel'noj stepeni odaren etimi sposobnostjami. Ego kniga (stavšaja doktor'skoj dissertacijoj) bezuslovno zasluživaet položitel'noj ocenki. Vo mnogom bylo prodvinuto vpered naučnoe osvješenie problematiki, primenitel'no k russkoj jazykovoj sisteme; s rabotoj Aleksandrova priidet'sja sčitat'sja vsjakomu, kto v buduščem vozmjetsja za podobnuju temu, pušč' i na mater'iale inogo, čem russkogo, jazyka. Pravda, i posle vyhoda recenziruemoj knigi suščestvuet' ряд спорных, ne vpolne vysvešennych voprosov, tak čto sozdanie strojnoj, vsostoronnej i sistematizirujuščej („algoritmičeskoj“) teorii členov predloženia prodolžajaet ostavat'sja idealom

² J. Chloupek, *Pořádek slov v nářečí, zvláště východomoravském*, Slovo a slovesnost 19, 1958, 260.

³ *K archaismům v nářeční syntaxi*, sb. Otázky slovanské syntaxe, Praha 1962, 381n.

будущего, даже в условиях как будто пренебрежительного отношения со стороны структурной лингвистики к самой идее анализа фразы по ее „членам“.

Книга состоит из двух частей: исторической и теоретической,* причем первая часть гораздо обширнее (стр. 11—285) второй, собственной части, в которой А. объясняет свою концепцию (стр. 287—376). Имеется, естественно, предисловие и короткое заключение, но нет, к большому сожалению, именного и предметного указателей, как и более подробной информации о содержании работы. Обширный исторический раздел придает историю изучения членов предложения в русской грамматике с экскурсами в область французской и немецкой грамматики. История эта дана в качестве оценки, комментариев автора. Собственно говоря, здесь речь идет о взглядах предшествующих грамматистов не только на члены предложения, но вообще и на более широкий круг кардинальных синтаксических проблем, связанных со строем простого предложения. Можно полностью согласиться с тем, что „ни в какой другой грамматике предложение не подвергалось такому глубокому и разностороннему анализу, как в русской грамматике“ (стр. 281). Таким образом, книга в известной степени представляет подробное руководство по истории русской (отчасти зарубежной) синтаксической мысли, начиная с М. Смотрицкого и кончая современностью. Правда, А. здесь мог отчасти опираться на тематически подобный труд акад. В. В. Виноградова („Из истории изучения русского синтаксиса.“ [От Ломоносова до Потебни и Фортунатова.] М. 1958), ссылки на него часты, однако автор сохраняет самостоятельность своих суждений, неоднократно возражая и Виноградову. Отмечаются не только книжные труды синтаксистов, но также статьи в журналах и сборниках, притом даже провинциальных, нередко оценочные комментарии перерастают в обстоятельные конспекты; чем ближе к современности, тем экстенсивнее аргументация автора. Заслуживает признания проделанная автором большая работа, связанная с тем, что нужно было очень вдумчиво познакомиться с десятками и десятками книг языковедов, с целым рядом статей. Еще хотелось бы подчеркнуть педагогический момент в подаче материала: учитываются все известные школьные грамматики, даются попутные библиографические указания выхода в свет книг и их отдельных изданий, регистрируются важные языковедческие и методические совещания в СССР, даются необходимые информации о школьной практике при анализе по членам предложения и вообще о методике преподавания русского языка в СССР, его грамматиках.

Углубленное историографическое ознакомление с проблематикой, по-видимому, имело своей целью в значительной степени также то, чтобы „вооружить“ автора, сообщив ему существующий арсенал терминов, понятий, идей, чтобы дать ему возможность органически продолжить традицию (вся книга, включая вторую часть, написана по-традиционному). Но вместе с тем, обзор наследия прошлого, некоторых явных противоречий, как будто вдохновил автора на радикальные нововведения, так что новых терминов и понятий мы у него находим немало.

Более подробно на этой первой, исторической, части останавливаться не будем, отказываясь одновременно и от конкретного указания на некоторые немногочисленные неточности (напр. в звучании названий лингвистов, в постановке типов ударения греческих слов но здесь причины, видимо, типографические).

Приступаем к второй, теоретической, части, где А. излагает свои взгляды на второстепенные члены предложения. Общие черты его концепции следующие: А. идет по пути увеличения количества членов предложения, расширяя, вместе с тем, и число разновидностей синтаксической связи. Такое стремление к обоснованной детализации, закрепленной в соответственной терминологии, в принципе справедливо и необходимо. Критериями для выделения второстепенных членов им делаются вхождение доминатора в определенный класс частей речи, далее формальная обусловленность или формальная „свобода“ зависимого члена и, наконец, обязательность или факультативность наличия последнего. Здесь нужно положительно оценивать особенно факт учета автором момента обязательности определителя (пусть и выраженного наречием, напр. *ведет себя прилично*), как и некоторую тенденцию к формализации, при уменьшении удельного веса семантики, вернее: отношений в самом денотате. Всю свою теорию А. последовательно строит на соответствии членов предложения компонентам словосочетания в со-

* В том же томе к ней прибавлена еще статья С. Г. Ильенко, *О структурном соотношении главного и придаточного в системе сложноподчиненного предложения*, стр. 393—427.

ставе предложения, т. е. выделяет бинарные непредикативные синтагмы, устанавливает вид синтаксической связи еелагаемых, форму и степень необходимости зависимого определителя. На наш взгляд, однако, не все члены укладываются в подобный „бинарный синтагматический непредикативный априоризм“; так, предикативный детерминант входит в состав трехчленных сочетаний (это оговаривается, впрочем, самим автором, напр. *Валя вернулась больной*), целый ряд семантически экстерных определителей детерминирует комплексно весь состав сказуемого и, наконец, исключение предикативных сочетаний влечет за собой неустраиваемые затруднения при интерпретации случаев вроде *куда нам идти?*, *мне холодно*. Весьма важная проблема членской значимости т. наз. косвенного субъекта, как и родственные факты в связи с категорией подлежащего остались, к сожалению, не затронутыми. Следуя традиции русского синтаксиса, А. в значительно широком объеме видит „неразложимые“ синтаксические единицы, относя к ним не только части составного сказуемого (напр. *желаю читать, прошу сесть*), но и обороты вроде *лучший из учеников, четыре ведра, бутылка вина, стадо коров, часы работы, конец мая, человек долга*. При таком подходе к научной интерпретации, однако, открывается дверь бездоказательному субъективизму и некоторым противоречиям (если, например, оборот *желаю читать* оценивается как один член, почему же в номинальном трансформе *желание читать* инфинитив уже квалифицируется просто как дополнение?). Автор не дает аргументации и сколько-нибудь точных критериев для своей комплексной установки. Вообще, хорошо было бы, если бы где-нибудь в начале теоретического раздела книги были подробнее изложены взгляды автора на некоторые основные, общие проблемы, как-то: что такое члены предложения, какие слова и обороты ими не являются, при каких условиях приходится считать два или больше слов одним членом, каково общее взаимоотношение применяемых ниже критериев, как следует интерпретировать строй и состав фраз с не-номинативом на месте субъекта.

Подробнее получается так, что А., исходя из анализа подчинительной связи между двумя словами как частями речи, устанавливает не 3 (как это до сих пор принято), а всего 5 ее разновидностей:

1. согласование (его касается лишь очень кратко, стр. 297);
2. управление („слово требует к себе другого слова, а именно в определенной форме“, справедливо выдвигается более узкое, чем обычно, понимание этой связи, стр. 298—315);
3. примыкание („зависимым элементом словосочетания является — не требующее господствующим словом — неизменяемое слово [наречие], или форма слова [деепричастие, инфинитив], или эквивалентные неизменяемому слову [наречию] застывшая падежная форма, или предложное сочетание, отвечающее на вопрос наречия и легко заменимое указательным наречием“, стр. 295—297);
4. сцепление („слово требует к себе дополнительного слова не в определенной форме, а именно в форме существительного в косвенном падеже [без предлога или с предлогом] или в форме наречия“, напр. *вести себя, продолжаться, стоять, придти*, стр. 315—316, нам хотелось бы добавить характерную, забытую автором группу: *что-н. вестит, мерит, стоит столько-то*);
5. косвенное управление („форма зависимого слова обуславливается отношением между предметом, обозначенным последним, и тем, что обозначается главным словом, причем, однако, по своему значению зависимое слово не соответствует (не эквивалентно) наречию“, напр. *писать пером, делать из дерева*, стр. 316—318). Ядро всех этих изложений дано, вместе с предварительными замечаниями, в 1-ой главе теоретической части (стр. 289—320).

Идея различать пять видов подчинительной связи бесспорно заслуживает сочувствия, особенно явление т. наз. сцепления. Напрашивается, естественно, еще другое возможное решение: оставить под общим обозначением примыкания тип 3) — 5), но во всяком случае вознившую широкую рубрику примыкания внутренние дифференцировать, с терминологическим закреплением. А. плодотворно намечает пути разрешения этой проблемы.

На основании указанных пяти формально-коммуникативных основных видов межсловесного гипотаксиса, А. в зависимости от формальной природы доминатора и с учетом семантики зависимого слова на более низком ярусе приходит к различению всего 7 второстепенных членов, в противоположность традиционным 3 второстепенным членам русских синтаксистов. Это 1. объект (= дополнение), 2. конъект, 3. адъект, 4. обстоятельство, 5. атрибут разных типов (но вразрез с традицией!), 6. приложение, 7. предикативный атрибут. Приятно фактическое число их отдельных разновидностей еще возрастает в результате того, что А. оперирует контаминированными понятиями и соответственными сложными обозначениями, вроде „конъектный атрибут“,

„аналог объекта“ (как и „аналог управления“, „эквивалент управления“ и т. п. при видах синтаксической связи); сама эта мысль в принципе глубоко справедлива. Члены эти экспонируются не сразу и без обобщающих сводных информаций, а „по частичкам“, ибо в основу изложений положен примарно характер доминатора.

Приглагольных определителей (глава II, стр. 320—325) по автору всего четыре; а) объект, или дополнение (выделяется на основании управления; признается существование объектного инфинитива, при „аналоге управления“, но без надлежащей четкой грани в отношении составного сказуемого; предлагается, между прочим, термин „субъектный объект“ для случаев типа *ссориться с братом*); б) адъект (связан с глаголом в порядке косвенного управления; почему-то А. ограничивает его область только тремя репрезентантами); в) конъект (при синтаксической связи сцепления, ср. *находиться где-н., продолжаться два часа*); г) обстоятельство (выделяется из примыкания, приводящаяся на стр. 329—334 его семантическая классификация охватывает 20 групп в пределах 4 основных классов, некоторые термины совершенно новы, замечание при иерархизации вызывает особенно т. наз. обстоятельство сравнения, группа 11).

О членах, зависящих от прилагательного, местоимения, числительного и наречия речь идет в главе III, стр. 335—340. При прилагательном выступают объект (напр. *достойный сожаления*, также инфинитивный — напр. *способный разобратся*), адъект (чаще, чем при глаголе, напр. *робкий в отношении к, светлый рядом с ним* — нормально здесь усматривают ограничительное обстоятельство) и обстоятельство (напр. *видный с дороги, красный от стыда*); отсутствует примечание о том, что в этой позиции при отглагольных прилагательных возможен также конъект. При субстантивном местоимении зависимый член считается лимитативным адъектом (однако примеры типа *что-то детское* получают ошибочное толкование, стр. 338—339: ср. *детская улыбка, детское поведение, детское что-то* — прилагательное есть нормальный атрибут). При неадъективном имени числительном по А. оба компонента образуют неразложимое словосочетание, а при наречии как главным слове встречается объект (напр. *далеко от друзей, быстрее лани*) и обстоятельство (напр. *глубоко до боли, замечательно хорошо*).

Очень спорной нам представляется глава IV-ая (стр. 340—368), где дан анализ присубстантивных определителей. Автор, резко отвергая единую категорию атрибута (определения), т. е. всякого определителя существительного, пытается дать более точную, миниатюрную классификацию этих определителей. Он прав в том, что здесь действительно нужно различать и терминологически закреплять более детально, чем просто согласованное × несогласованное определение. Мы в свое время предложили: 1. собственное определение, 2. несобственное определение, с подрубками у последнего — определение а) объектное, б) обстоятельственное, в) предикативно-детерминативное (напр. *работа монтером*). Однако А. допустил серьезную ошибку — он вдруг стал семантизировать и выдвигать в качестве релевантного фактора конкретную семантику присубстантивных косвенных падежей, и даже — стал искать ее там, где ее фактически нет, особенно в беспредложном родительном (там ведь вид отношения обусловлен только лексикой самих слов). Используя свой набор заранее введенных понятий и стараясь отразить факт примененной транспозиции в виде скрещенных понятий и терминов, он устанавливает всего 16 возможных присубстантивных определителей, как-то адъективный атрибут, приемное дополнение (характерно для русской синтаксической традиции), окказиональное релятивное дополнение, обстоятельство, адвербиальный атрибут... Притом особо отделяется собственное определение (= согласованный адъективный атрибут, группа 1), а также субстантивный атрибут (= приложение, группа 16; но А. усматривает фактическое приложение только в обособленном субстантивном атрибуте, стр. 364). В целом этом разделе, к сожалению, автор теряет смысл иерархических плоскостей, чистоту критериев, и в результате ослабляет вескость своей общей концепции, столь интересной по многим другим пунктам; кто же здесь сможет вслед за ним усвоить предложенную ультрасложную схему?

В V-ой главе (стр. 369—371) речь идет о предикативном атрибуте, как о члене с двумя доминаторами (одним главным, а другим косвенным, не обязательным). Тут надо воздать хвалу автору за то, что в отличие от Академ. грамматики он признает этот член предложения как нечто автономное, ср. его слова (стр. 370): „Термин предикативный атрибут не применяется в русской грамматике. Между тем обозначаемое им синтаксическое явление существует в русском языке и, как мы видели, уже давно отмечено в русской грамматической литературе“.

VI-ая, последняя, глава (стр. 372—376) знакомит со ступенчатой иерархией компо-

ментов в предложении, т. е. устанавливаются здесь ступени „важности“ отдельных членов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на ряд частных возражений или сомнений мы в общем благоприятно оцениваем труд Александра и самую его попытку „двинуть с места“ область синтаксической теории, где дальше по-старому работать просто нельзя. Он наметил направление, принес много импульсов. Обнаружилось также, где скрывается опасность, чего надо, вероятно, избегать. Самое существенное в будущем — это найти стройное единство критериев (признаков), по возможности объективно, алгоритмически применимых и иерархически оправданных. Считаем вероятным, что развитие здесь действительно будет идти в направлении расширения числа членов предложения, хотя бы лишь за счет терминологических индексов на высших ярусах.

Роман Мразек

Halina Safarewiczowa: Oboczność я имею i у меня есть w języku rosyjskim dziś i dawniej, Ossolineum. Wrocław—Warszawa—Kraków 1964, 65 stran.

H. Safarewiczová učinila předmětem svých výzkumů alternaci dvou funkčně blízkých konstrukcí ruských vyjadřujících vlastnictví a napsala o ní svědomitou, diachronicko synchronickou, monoglosickou (jednojazykovou) práci. Opřela se zčásti o některé myšlenky českých lingvistů (Išačenka, Adamce, Bryma—Mrázka), které toto téma už také upoutalo, ovšem jde do větší hloubky, sleduje stav věci přísně pozitivisticky, zobečňuje na podkladě materiálových statistik. Navíc osvětlila své téma i historicky. Omezila si látku tak, že neprobírá fungování předložkového genitivu ani slovesa habere v celém rozsahu, nýbrž skutečně jen potud, pokud si fakticky nebo fakultativně konkurují. A pojala celou práci především sémanticky, zkoumajíc vzájemný podíl obou forem při vyjadřování dílčích lexikálně gramatických modifikací významu posidence, kdežto zřetеле rýze syntaktické u ní ustupují na vedlejší místo. Vcelku představuje útlá, v lecčems objevná knížka H. Safarewiczové (napsaná tradičně, ne však bez strukturálních momentů) dobrý přínos do prozkoumání tohoto zajímavého fragmentu ruského jazykového systému.

Po úvodní kapitole, která má ráz předmluvy a rozhlíží se po dosavadní literatuře předmětu (str. 5—8), následuje II. oddíl, ozřejmující autorčino stanovisko k obecným otázkám povahy metodologické, terminologické, rozsahové a historické (str. 9—18). Je ukázáno, jaké formální nebo jiné okolnosti zabraňují synchronickému užití obou zkoumaných výrazových prostředků. Široká sémantika posidence (vlastnictví) je pak rozdělena do šesti dílčích skupin, podle nich jsou pak rozvrženy následující výklady, přičemž v rámci oněch skupin se ještě na nižší úrovni přihlíží k věcnému charakteru „vlastníka“ a „vlastněného předmětu“. Každá dílčí sémantická skupina je tam pak probírána současně jak v ruštině staré, tak i novější a nové. Třeba ovšem říci, že při takovém sloučení místy dochází až k nivelizaci různých časových rovin (vzato detailněji, octne se např. nejednou v témž odstavci bezprostředně vedle sebe třeba doklad z Avvakuma a doklad z Leonova), stejně jako k oslabení platnosti některých paušálních zobečnění, které chtějí pod jedním jmenovatelem postihnout obdobná fakta rozličných systémů. Dále je souhrnně dovozeno a číselně podepřeno, že už v nejstarší ruštině byla frekvence předložkového obratu s genitivem nemalá, i když přirozeně funkční nosnost slovesa habere — иметь byla zřetelně větší než nyní.

Další, III. část studie (str. 18—32) probírá už zevrubně první a nejčastější z šesti vytyčených významových platností obou konstrukcí, totiž význam skutečného osobního vlastnění něčeho s právem odevzdání nebo prodeje. Téměř překvapující je autorčino tvrzení o rozhodné převaze genitivního předložkového obratu tehdy, když se vlastněným předmětem míní něco konkrétního, bohužel zobečňující formulace jsou zde na závěr citovaných dokladů nesrozumitelné, matoucí (str. 20). Anticipuje se zčásti už následující význam disponování něčím, aby hned mohlo být ukázáno, že ani tam obrat s habere nikdy nezdomácněl a že se tedy nepotvrzuje Išačenkův názor o formálním rozlišování smyslu „mám v osobním vlastnictví“ a „disponuji, mám v užívání“. Stejně tak se Safarewiczová na základě dosti extenzivních výkladů v podstatě nezतोžňuje s Išačenkovým stanoviskem v otázce explicitní a implicitní přítomnosti přítomného есть, leč na tomto místě nebylo přihlédnuto, ač mělo být, i k případům obsahujícím abstraktní „vlastněný“ předmět a zároveň také k významu disponování; jinak poměr mezi vyjadřeným a vynechaným есть tvoří vždy jeden z důležitých bodů všech dalších kapitol. Větší uplatnění nachází sloveso habere tam, kde už máme co činit s abstraktními vlastněnými předměty.

V části IV. (str. 32—37) se rozebírají oba obraty jakožto designátory významu příbuzenského